

А. А. Гаврилова
A. Gavrilova
г. Белгород, БелГУ
Belgorod, BelSU

**«РЕМЕСЛЕННИК ВО СЛАВУ КРАСОТЫ» (О СУДЬБЕ
ПОЭТИЧЕСКОГО ДАРОВАНИЯ В.Г. БЕНЕДИКТОВА)
«THE CRAFTSMAN FOR THE GLORY OF BEAUTY» (ABOUT THE FATE
OF THE POETIC TALENT OF V.G. BENEDIKTOV)**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению сложной и драматичной судьбы талантливого и самобытного русского поэта-романтика В. Г. Бенедиктова, незаслуженно забытого и долгое время остававшегося на обочине исследовательских изысканий и пристрастий. В настоящий момент внимание к незаурядной личности, по-своему оригинальному и колоритному творчеству поэта актуализировалось и вызывает неподдельный научный интерес.

Ключевые слова: «вульгарный романтизм»; культурное открытие; эволюция; новаторство; творческая индивидуальность.

Abstract: The article considers the complex and dramatic fate of the talented and original Russian romantic poet V. G. Benediktov, unjustly forgotten and long remained on the sideline of the research surveys and investigations. Nowadays the attention to this outstanding personality, the original and colourful work of the poet becomes actual and arouses a growing scientific interest.

Keywords: «vulgar romanticism»; cultural discovery; evolution; innovation; creative individuality.

В конце 1820-х – начале 1830-х годов в русской лирической поэзии стали происходить существенные видоизменения (жанровые, языковые, стилевые). Век «пушкинский» сменяют новые поэты, явления и школы, которые вступают в многообразные отношения с предшествующей поэтической традицией. Одним из таких «новых поэтов» 30-х годов XIX столетия явился В. Бенедиктов.

Судьба поэтического дарования В. Бенедиктова действительно была во многом парадоксальна. Поэт, ранее никому неизвестный, обеспечил себе грандиозный успех, выпустив в свет в 1835 году небольшую книжечку стихотворений с затейливо выполненным в романтическом духе форзацем и вызывающим эпиграфом из Гёте «Я пою, как поёт птица, живущая на ветке». Однако славе поэта не суждено было долго блистать. Развенчанный и низвергнутый с высот общественного одобрения, прежде всего Белинским, он оказался приравненным к поэтам уровня третьестепенных и обрёл репутацию поэта «вульгарного романтизма». А после, уже на склоне лет, как отмечает Б. В. Мельгунов, «полная безвестность, позднейшая „известность“ по неприятительной

кличке „поэт-чиновник“ и литературному ругательству, образованному от его имени, – „бenedиктовщина“» [7, с. 5].

Тем не менее творчество раннего Бенедиктова породило целое поколение поэтов, именуемых эпигонами «бenedиктовской школы», хотя они и не оставили сколько-нибудь заметного следа в литературе.

Известный поэт А. Фет, вспоминая на закате жизни свои студенческие годы, привел весьма любопытный эпизод, как однажды, в конце 1830-х гг., зашёл он после лекций в книжную лавку и увидел томик стихов молодого писателя. «„Что стоит Бенедиктов?“ – спросил я приказчика. „Пять рублей, да и стоит. Это почище Пушкина-то будет“. Я заплатил деньги и бросился с книжкой домой, где целый вечер мы с Аполлоном завывали при её чтении» [10, с. 153]. На долю молодого поэта обрушился невиданный успех, затмить который удалось впоследствии лишь двум поэтам М. Лермонтову и Н. Некрасову. Один из ближайших друзей В. Бенедиктова Я. Полонский, издавший после смерти поэта трехтомное собрание его стихотворений, писал в предисловии к нему: «Не один Петербург, вся читающая Россия упивалась его стихами, он был в моде» [8, с. 12].

«Упивался» стихами Бенедиктова и «знал многие наизусть» и молодой И. Тургенев. В своих воспоминаниях он пишет: «Стихотворения <...> привели в восхищение всё общество, всех литераторов, критиков, всю молодёжь. И я не хуже других <...> знал многие наизусть» [9, с. 511].

Московские ценители поэзии – студенты, офицеры, чиновники, великосветский «литературный мир Петербурга в одинаковой мере были заинтересованы новым дарованием. Появление стихотворений Бенедиктова произвело страшный гвалт и шум не только в литературном, но и в чиновничьем мире. И литераторы, и чиновники петербургские были в экстазе от Бенедиктова» [8, с. 13].

А. Вельтман в повести «Приезжий из уезда, или суматоха в столице» (1841) писал о шумной славе Бенедиктова среди высшего света Петербурга: «все визиты и встречи в двадцати частях, ста кварталах, двухстах улицах, трехстах переулках и в тысяче гостиных начинались с восклицания: „Ах! Слышали вы? <...> Явился поэт, перед которым ничто Пушкин“» [Цит. по: 6, с. 24]. Этим шумные разговоры о Бенедиктове не заканчиваются. Во второй половине 1830-х годов увлечения его поэзией не избежали ни литераторы старшего поколения (В. Жуковский, П. Вяземский), ни сосланные в Сибирь декабристы, ни современные поэты и критики (Тютчев, Шевырев, Сенковский), ни молодые писатели (Фет, Тургенев, Некрасов).

Многие исследователи сходятся во мнении, что успех Бенедиктова был связан с «кризисом замкнутой дворянской культуры». Самой яркой фигурой той эпохи являлся А. Пушкин, но в начале 1830-х гг. он много времени проводил за работой и мало печатался. В обществе даже пошли разговоры об «упадке таланта», «прозаизме» великого писателя. Да ещё и молодой Белинский в 1834 г. объявил о «закате» пушкинского периода русской литературы. «В наше время, – писал он, – в холодное прозаическое время надо в поэзии огня да огня, иначе нас трудно разогреть» [1, с. 322].

Критики мечтали о «новом поэте», способном, по мнению Б. Мельгунова, «одухотворить поэзию новыми идеями, новыми мыслями. <...> Как же было не „увидеть“ большинству критиков и любителей поэзии в стихах „нового поэта“ Бенедиктова ту новизну формы, которая, несомненно, была в его стихах, и те „новые мысли“, которых так ждали» [7, с. 8].

«Поэт внезапный, Поэт неожиданный» (как назвал В. Бенедиктова С. Шевырёв) издал свой знаменитый сборник во многом как бы случайно. Сборник «Стихотворения Владимира Бенедиктова» вышел в свет в 1835 г. и вызвал огромный ажиотаж.

«Поэт с высоким порывом неподдельного вдохновения, со стихом могучим и полным, с грацией образов, <...> с глубокой мыслью на челе», – так объявил и представил С. Шевырёв публике «нового поэта», пришедшего на смену Пушкину ещё при его жизни [11, с. 165].

И действительно, необычайная творческая смелость, экспрессия и смелый гиперболизм поэтических образов Бенедиктова были настолько новы, что не могли не привлечь к себе общего внимания. Как справедливо замечает Б. Мельгунов, «яркая, развернутая метафора, от которой уже давно отвыкли современники Пушкина, в стихах Бенедиктова была воспринята многими как новое слово в поэзии» [7, с. 6].

В. Бенедиктов совершил настоящий «переворот» в стихотворном языке. По мнению Л. Гинзбург, у него, «в самом деле, непривычное вместо привычного, заметное вместо стёртого, разбухшая метафора вместо эпигонской гладкости» [5, с. 110].

Лет через пять-семь поутих и шумный ажиотаж вокруг имени В. Бенедиктова. В 1842 г., когда вышло 3-е издание сборника его стихотворений, Белинский, семь лет назад диссонансом прозвучавший в хоре хвалебных рецензий на стихотворения 1835-го года, и теперь спокойно констатировал: «Стихотворения г. Бенедиктова были важным фактором в истории русской литературы: они повершили вопрос о стихах, и с того времени стихи (в том смысле, в каком понимаем мы это слово) совершенно окончили на Руси свое земное поприще» [2, с. 202]. И тут же вынес своеобразный приговор и поставил штамп, под которым поэт Бенедиктов и его творчество до сих пор, к сожалению, воспринимаются многими, как «поэт-чиновник»; «поэзия Бенедиктова – не поэзия природы или истории, или народа, – а поэзия средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга» [2, с. 349].

Этот штамп определял его как представителя «массовой» петербургской литературы, низвергнувшего романтические достижения в сферу чиновничьего мировосприятия. И даже после смерти поэта большинство его поздних стихов так и остались не востребуемыми будущими поколениями.

Парадоксально, но факт – в 1830-е гг. появилось много поэтов, имевших подобно Бенедиктову «сезонный» успех: Н. Кукольник, А. Тимофеев, Д. Струйский. Однако они так и остались достоянием литературной истории, никого особенно не взволновали и не сподвигли на «опровержение». А вот стихи Бенедиктова каким-то чудным образом продолжают преодолевать барьер равнодушия и будоражить умы людей и в наше время.

«Ремесленник во славу красоты», как сам себя назвал В. Бенедиктов, пройдя через оглушительный успех и испытавший горечь разочарования, привнёс в русскую литературу такую поэзию, которую в истории современной русской литературы называют «явлением исторически плодотворным», «ярким и симптоматичным, внутренне подготовленным и обусловленным поэтической эволюцией» [4, с. 376] 1830-х годов.

Библиографический список

1. Белинский, В. Г. О стихотворениях г. Баратынского // В. Г. Белинский // Взгляд на русскую литературу. – М. : Современник, 1988. – 606 с.
2. Белинский, В. Г. Русская литература в 1842 году / В. Г. Белинский // Собрание сочинений : в 9 т. – М. : Художественная литература, 1977. – Т. 5. – С. 190–222.
3. Бенедиктов, В. Г. Стихотворения / В. Г. Бенедиктов ; [сост., подг. текста, примеч. Б. В. Мельгунова]. – Л. : Советский писатель, 1983. – 816 с.
4. Вацуро, В. Э. Поэзия 1830-х гг. / В. Э. Вацуро // История русской литературы : в 4 т. ; АН СССР. Институт русской литературы. (Пушкинский Дом). – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1980–1983. – Т. 2. – 1981. – С. 362–379.
5. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – М. : Интрада, 1997. – 416 с.
6. Кошелев, В. А. «Кудри» и «вальсы». О жизни и творчестве В. Бенедиктова / В. А. Кошелев // Литература в школе. – 1996. – № 5. – С. 23–35.
7. Мельгунов, Б. В. В. Г. Бенедиктов / Б. В. Мельгунов // Бенедиктов, В. Г. Стихотворения. – Л. : Советский писатель, 1983. – 816 с.
8. Полонский, Я. П. Сочинения В. Г. Бенедиктова / Я. П. Полонский // Бенедиктов, В. Г. Сочинения. – СПб. ; М. : М.О. Вольф, 1902. – Т. 1–2. – 296 с.
9. Тургенев, И. С. Воспоминание о Белинском / И. С. Тургенев // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. – М. : ГИХЛ, 1962. – 760 с.
10. Фет, А. А. Ранние годы моей жизни / А. А. Фет. – М., 1893. – 548 с.
11. Шевырев, С. П. Стихотворения Владимира Бенедиктова : Из литературно-критических откликов на стихи Бенедиктова / С. П. Шевырев // В. Г. Бенедиктов. Стихотворения ; [сост., автор предисловия и примечаний А. Н. Архангельский]. – М. : Детская литература, 1990. – 127 с.